

ство, введеніе письменности, переводъ Церковныхъ книгъ, суть принадлежности одного и того же событія.

Сообразно сему положенію, Имперскіе Болгаре должны были имѣть въ переводѣ, если не все Св. Писаніе, то, по крайней мѣрѣ какую либо самую нужную часть оного. Приписываемый источниками Меѳодію и Кириллу переводъ всей Библии и даже другихъ служебныхъ книгъ, заключаетъ въ себѣ что-то затруднительное, неестественное. Самъ Добровскій, основывая свои изысканія единственно на свидетельствахъ, такъ называемыхъ, источниковъ, весьма перычительно и необстоятельно говорить о семъ дѣлѣ, а Шлецеръ, какъ толкователь, чтобы не упустить каждую строку безъ объясненія, пускается въ замѣчанія постороннія, а сущность дѣла оставляетъ еще подѣ вопросомъ.

У меня безпрестанно вертится въ головѣ подозрѣніе, не ошиблись ли составители источниковъ и легендъ касательно перевода Св. Писанія, какъ ошиблись они и въ понятіи объ изобрѣтеніи, такъ называемыхъ, Словенскихъ письменъ? Неясность ихъ свидетельствъ дѣлаетъ ихъ недостаточными, а противурѣчія лишаютъ ихъ судебного достоинства; основываться же на тѣхъ или на другихъ не лзя до тѣхъ поръ, пока, бытъ повѣрены съ естественностію событія, не окажутся достойными вниманія.

Основываясь на сихъ извѣстіяхъ, Добровскій предлагаетъ вопросъ: «что собственно перевелъ Кирилъ, что Меѳодій?» и вмѣстѣ отчаявается отвѣтить на оный рѣшительно, говоря: «Кто можетъ отвѣчать теперь на этотъ вопросъ «удовлетворительно? Одинъ говоритъ, что Кирилъ перевелъ «все Словенскія книги; другой, что и Меѳодій принималъ въ «томъ участіе». А я прибавлю: возможно ли объяснить сіе дѣло удовлетворительно до тѣхъ поръ, пока станемъ придерживаться однихъ только извѣстій, сочиненныхъ въ среднія времена?»

Впрочемъ, сей вопросъ въ строгомъ смыслѣ принадлежитъ къ біографіи нашихъ Апостоловъ; намъ же для исторіи распространенія Славянской письменности нужно объяснить